

О.Б. Христофорова
д. филол. н., директор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ,
в. н. с. Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС

«Повесть о грешной матери» в книжной и устной традиции старообрядцев

В поздней старообрядческой книжности (лицевых рукописях XIX – начала XX в.) широко распространены назидательные тексты, варьирующие сюжет так называемой «Повести о грешной матери», средневековой христианской легенды, возводимой составителями книжных сборников к Скитскому Патерику или, что чаще, к Великому Зерцалу. Эти тексты имеют разные названия («Некто священноинок молился о матери своей о отпущении грехов ея», «Некий христианин видел жену сидящую на колеснице огненной и пьющую смолу», «Повесть о жене, утаившей грех», «О монахине утаившей грех» и т.д.). В них присутствуют одинаковые действующие лица (монах/два монаха и умершая грешница) и, по сути, единый набор мотивов, которые сочетаются по-разному в разных текстах. При этом подчеркнем, что в старообрядческих вариациях этого сюжета, в отличие от его первоначальной формы, мы не находим счастливого финала и мотива «смердной руки»; грешница оказывается «неотмолимой». Мотивы этих книжных текстов можно встретить и в устной традиции старообрядцев, в текстах на тот же сюжет, жанровая принадлежность которых – между быличкой и легендой. Отдельные мотивы обнаруживаются и в рассказах на другие сюжеты. По всей видимости, фольклорные тексты в данном случае восходят к книжным, неизбежно изменяясь при пересказе и последующей трансмиссии. При этом устное бытование, очевидно, влияло и на складывание других текстов на тот же сюжет, фиксируемых в рукописях. Это и краткие тексты, представляющие собой своего рода резюме сюжета «Повести о грешной матери», и, напротив, распространенные тексты, в которых появляются новые мотивы и персонажи (грешница в начале повествования еще жива, монахов оказывается двое). Несомненно, на устную традицию влияли и миниатюры, сопровождающие Повесть в рукописях – красочные, полные страшных деталей (их генезис также будет рассмотрен в докладе). В свою очередь, можно допустить и влияние устных рассказов на создателей миниатюр. Любопытно, что иллюстрации к Повести по-новому зазвучали в советскую эпоху, когда благодаря совпадению визуальных кодов в орбиту назидательных текстов оказались включены и в их духе осмыслены символы новой власти.